

формационных теорий. В частности, управленческая информация должна снижать неопределенность внешних и внутренних условий управленческой деятельности.

Анализ внешних и внутренних условий является основой выработки стратегии информационного управления. Неопределенность стратегии управляющего (лица, принимающего решения) можно рассматривать как обратную сторону свободы выработки его управленческих решений.

В научных публикациях по близким темам существует следующий подход к проблеме неопределенности принятия управленческих решений. Выработку и принятие управленческих решений в информационном менеджменте могут характеризовать следующие функции: «1) *уверенность* — функция обладания полной информацией о следствиях принятия решения; 2) *риск* — функция обладания информацией о вероятном распределении последствий выбора той или иной альтернативы; 3) *неопределенность* — функция невозможности определения вероятности наступления того или иного следствия решения» [5, 121]. Таким образом, неопределенность оказывается существенным элементом философско-управленческой информационной теории. При этом намечается ее сближение с энтропийной информационной теорией.

Вышеупомянутая тенденция означает возможность сближения философии информационного управления и научно ориентированного информационного управления.

1. Костров А. В. Основы информационного менеджмента. М., 2001.

2. Латыпов И. А. Информационный менеджмент: Методические указания. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2003.

3. Латыпов И. А. Информационное общество. // Современный философский словарь. Москва: Академический проект, 2004. С. 284–285.

4. Виханский О. С. Стратегическое управление. М.: Гардарики, 2002.

5. Мешков А. А. Основные направления исследования инновации в американской социологии // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 121.

В. В. Егоров
г. Екатеринбург

ОБРАЗНО-ЧУВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАУЧНОГО ПОИСКА

В качестве ценностного феномена наука в современном информационном обществе ждет своего дальнейшего подробного осмысления. Представление о научном поиске как чем-то строго логи-

ческом, исключая личные переживания, эмоции ученого, не дает возможности понять, как в умах талантливых мыслителей рождаются наиболее оригинальные идеи. Прав, на наш взгляд, американский философ науки Р. Рут-Бернштейн, утверждающий, что воображение и сопереживание, открытость эмоциям и ощущениям столь же необходимы науке, сколь они необходимы искусству. И наиболее важные научные результаты получают из сочетания аналитического мышления и эстетической восприимчивости — сочетания, которое можно назвать «чувственной наукой».

Веские высказывания самих ученых убеждают, что без эмоциональной увлеченности процессом поиска крупных научных результатов добиться нельзя. В этой увлеченности присутствуют тяга к новому, не бывшему или неведомому ранее, любопытство, состязательность и многое другое, иногда вплоть до желания осчастливить человечество. В большинстве случаев эта увлеченность имеет альтруистический характер.

Мощным катализатором научного творчества выступает искусство, в том числе и музыка. Что касается музыки, то, например, Ч. Дарвин считал ее даже чрезмерно стимулирующей работу мозга, доводящей ученого до изнеможения. Крупнейший шведский физиолог Ф. Сколандер отмечает колоссальную роль в его научном творчестве тех чувств, которые с далеких детских лет в нем пробуждала и пробуждает музыка. Она окрыляет, укрепляет волю, дает новые силы. «Эмоции, — говорит ученый, — были сильным ингредиентом как в музыке, так и в науке. Будучи ребенком, я пробирался под «стейнвейн» моей матери, когда она занималась, и меня окатывала волна эмоций от музыки Баха, Грига...». Разумеется, не все, кто забирался под рояль матери, стали впоследствии выдающимися учеными или музыкантами. Но сходство, единение импульсов музыки и научного творчества отмечается не зря.

Творческий акт познания безотносительно к тому, идет ли речь об искусстве или же о науке, представляет собой не только сугубо интеллектуальный, но и чувственный опыт. Кто-то из коллег может заявить, что цель науки заключается в уничтожении личных интуитивных и иных субъективных представлений, чтобы они не препятствовали объективному познанию мира. Но такая позиция концентрируется только на том, как надлежит передавать научные идеи, а не на процессе, в котором эти идеи появляются.

Резко раскритикованная несколько десятилетий назад «эмпатия» (вчувствование) оказывается подчас в числе важнейших средств научного познания. Нобелевский лауреат, шведский физик Ханнес Альфвен рассказывает о том, как, вместо того чтобы

раздумывать над уравнениями, он подчас предпочитает «сесть и проехаться верхом» на каждом электроде и ионе и попытаться вообразить мир «с их точки зрения», понять, какие силы толкают их вправо или влево. Интуиция и фантазия выступают здесь и следствием научных знаний и причиной, фактором их развития. Необходимо и «алгеброй гармонию проверить», и «гармонией» алгебру настроить на движение вперед.

Развитие исследователем способности мысленно проецировать себя внутрь изучаемого объекта, когда благодаря воображению становится возможным идентифицироваться с предметом исследования, дает свои результаты. Обретение глубинных представлений в различных областях науки связано с интенсивными физическими и эмоциональными ощущениями, часто выраженными в визуальной, акустической, кинестетической форме. И такого рода ощущения отделить от самого акта открытия, пожалуй, невозможно.

Всякое эстетическое чувство, будь то чувство художника, зрителя или иного человека, в его отношении к действительности есть всегда отношение соучастия. Такой дар соучастия, вхождения в ситуацию, без которого нет художественного творчества, столь же нужен и научному работнику, перед которым при постановке проблемы возникает необходимость перехода от наблюдения и накопления фактов к их осмыслению. Для постановки проблемы необходимо увидеть всю совокупность фактов в целом, когда это целое логически не дано. Видимо, стоит определить это как предчувствие целого, которое дается на основе соучастия. Приходится пользоваться косвенными данными и чувственными аналогиями.

Наглядные образы — не только продукт творческого вдохновения, но во многом и его источник. Образы, зримые, слышимые ученым, помогают ему подняться к постижению больших проблем, проникнуть в глубинные тайны бытия. Не часто присутствуют в сознании субъекта научного творчества панорамные картинные образы. Воображение ученого чаще всего зримо фиксирует некие отдельные характерные детали, а эти детали имеют значимость, смысл целого. Но и частичная визуализация и обобщенность воображения позволяет субъекту представлять абстрактные понятия. Воображение имеет большую познавательную ценность, которая связана с действительностью не фиксированно, а процессуально. Даже и в отлете от действительности воображение сохраняет с ней связь, позволяет отобразить явления и понятия непосредственному восприятию недоступные. Элементы художественности придают научному образу яркость, остроту, очевидность. Изучаемые наукой закономерности, какой бы степени сложности они ни

достигали, требуют определенной их представимости, наглядного воспроизведения. Вызывать в себе «мускульно» визуальные образы — значит глубже проникнуть в проблему, стать участником радостной драмы своего открытия. Опорные образы сознания ученого выполняют роль моделей, благодаря которым творческое постижение мира осуществляется все дальше.

Ученый, в отличие от «обычных людей», видит за фактами их сущность, обладает неким существенно особым видением мира, позволяющим ему приводить в определенную концептуальную систему явления, совершенно друг с другом вроде бы не связанные или связанные чисто внешне. Во многом это присуще и художнику. Однако в отличие от художника, которому чаще всего достаточно придать своему произведению художественное правдоподобие и тем самым силой своего дарования заставить аудиторию поверить в истинность изображаемых им событий, ученый всегда вынужден подвергать всякую открытую им закономерность строгой экспериментальной проверке.

Как известно, в наши дни принципиально новые научные открытия рождаются чаще всего на гранях (стыках) нескольких отраслей знания при непредставимых прежде сочетаниях разных наук. Но столь же верным будет утверждение, что в самом процессе научного поиска новые открытия все чаще возникают и будут возникать на стыках логических и образных структур.

А. В. Милашунас
В. П. Червонный
г. Екатеринбург

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Мировой опыт исторического прогресса науки убедительно демонстрирует ее неразрывную связь с моральным фактором. Моральное «наполнение» науки проявляется в целом ряде существенно важных аспектов, начиная от акцентуации тех или иных направлений исследования, методов их осуществления, характера опредмечивания достигнутых результатов и кончая нравственным обликом ученого. Последний рассматривается под углом зрения таких его личностных характеристик, как честность, совестливость, объективность, а также способность противостоять прямому или косвенному давлению извне — со стороны не только антидемократических властных структур, но и криминала. В системе гуманитарного знания, наиболее чувствительного к отмеченной проблема-